

«Люблю гусей подразнить»

Как адвокат-шашлычник из КБР в одиночку борется с возрождением культа личности Иосифа Сталина

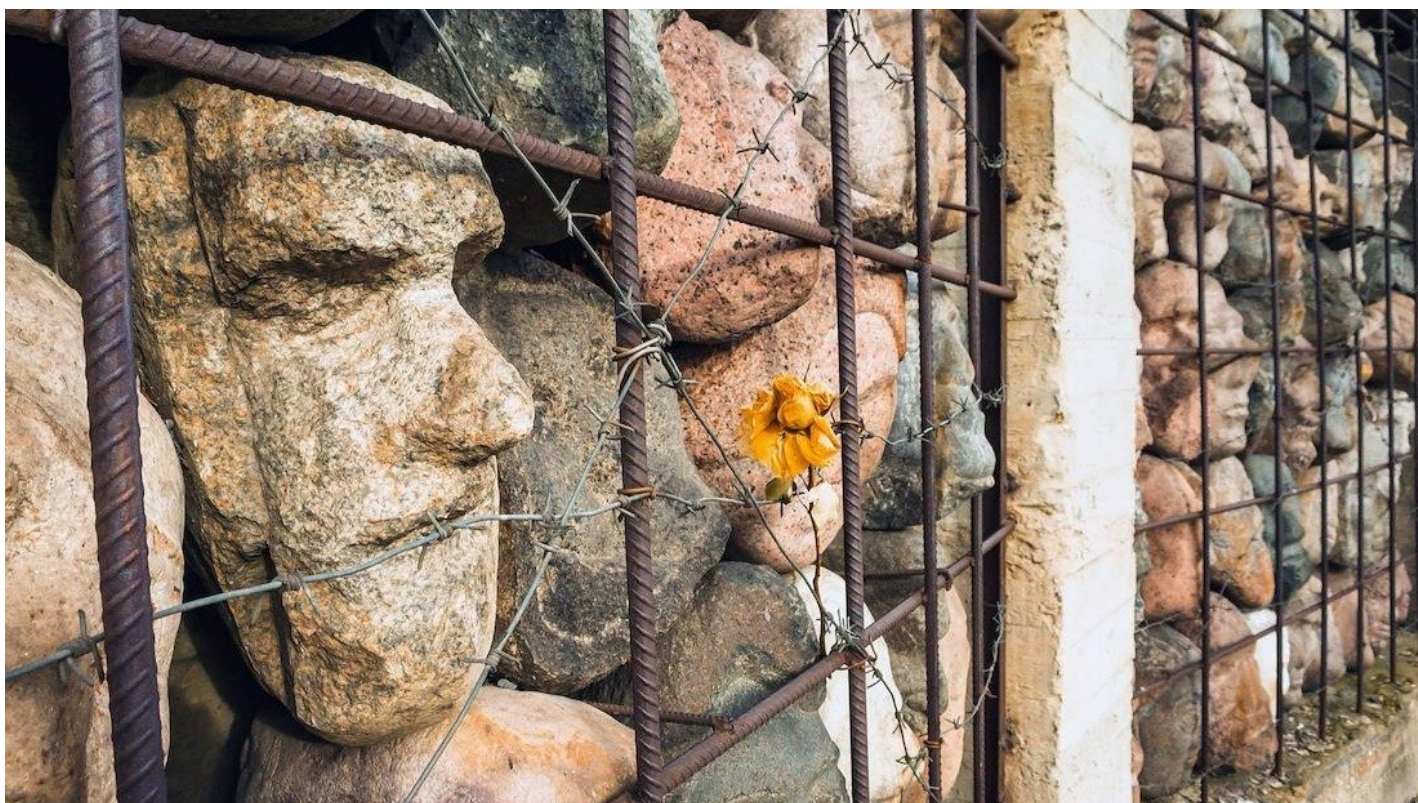

Фото: Виталий Смольников / Коммерсантъ

13:32, 29 апреля 2026,

Илья Азар*

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТОМ АЗАРОМ ИЛЬЕЙ
ВИЛЬЯМОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АЗАРА ИЛЬИ ВИЛЬЯМОВИЧА.

Бывший адвокат из Кабардино-Балкарии Олег Келеметов, сейчас называющий себя «шашлычником», уже два года пытается привлечь к ответственности за депортации народов Кавказа лично Иосифа Сталина и других советских деятелей. В 2024 году он обратился с соответствующей просьбой в Следственный комитет, но пока так и не дождался ответа по существу. Тем не менее Келеметов, с которым поговорил журналист Илья Азар*, рассчитывает затруднить установку в России памятников Сталину и нанести хоть какой-то вред позитивной памяти о нем.

В феврале 2024 года Келеметов [отправил](#) в Следственный комитет РФ заявление с просьбой проверить решение Госкомитета обороны (ГКО) СССР о массовых депортациях по национальному признаку. На его основании в 1944 году в Центральную Азию было выслано более 6 миллионов человек, в том числе все чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы. От 20% до 30% «спецпереселенцев» погибли либо в дороге, либо уже на новом месте жительства.

Келеметов рассчитывал, что СК установит факт преступления (превышение власти по статье 110 УК РСФСР) и причастность к нему членов ГКО — Иосифа Сталина, Лаврентия Берии, Вячеслава Молотова и других.

Олег Келеметов. Фото: личный архив

После подачи заявления Келеметов **говорил**: «Основная моя цель — добиться ответа по существу. По закону власти обязаны это сделать. Если они считают, что депортация — это не преступление, пусть так и ответят».

За прошедшие два с лишним года ответа по существу он так и не дождался — только постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и последующего постановления об отмене этого отказа.

— Идет профанация и затягивание, — жалуется Келеметов и объясняет: — Невозможно вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по моему заявлению, потому что там очевидный состав преступления.

Советская конституция 1937 года, по словам Келеметова,

подразумевает уголовное преследование за унижение человеческого достоинства в любой форме, в том числе по национальности человека. «А указы ГКО ограничивали в правах, выселяли, лишали возможности вернуться домой людей именно в силу их национальной принадлежности», — поясняет он.

По ходу разговора Келеметов несколько раз ненадолго пропадает. Первый раз он винит в этом нестабильную связь: «У нас часто глушат — то беспилотная, то пилотная, то беспросветная опасность».

Второй — из-за короткого звонка. «Мы — мангальщики, мясники, люди труда», — шутит он, вернувшись. Сейчас он действительно готовит шашлык в своем семейном кафе в Нальчике, хотя еще недавно работал адвокатом — в частности, на громком процессе «Дело 58-ми» над напавшими в 2005 году на столицу КБР боевиками.

Хотя изначально Келеметов обещал в случае отсутствия реакции СК обратиться в суд, пока он этого не сделал.

— Я выжидаю момент в общественно-политических настроениях, когда это будет удобно, — объясняет Келеметов. — [Например], когда Рамзан Ахматович что-нибудь скажет. И в этот момент забросить.

— А почему вы не занялись этим вопросом раньше? — спрашиваю я Келеметова.

— Это такая эмоциональная реакция «Давайте ответьте» на то, что, несмотря на реабилитацию депортированных народов,

пошла эта «рекультивизация», возрождение культа Иосифа Виссарионовича, — отвечает бывший адвокат.

Келеметов не рассчитывает на публичный судебный процесс над Сталиным, понимая, что это невозможно, но все равно сталкивается с недоуменными вопросами: «Чего ты хочешь от мертвого человека?»

— А я от мертвого человека ничего не хочу, я хочу от живых людей, — говорит Келеметов. — Несмотря на то, что люди [Сталин и его коллеги] умерли, при наличии очевидного факта совершенного преступления ему должна быть дана и историческая, и нравственная, и юридическая оценка. Если лица, в действиях которых имеется состав преступления, умерли, то выносится постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью, — объясняет мне Келеметов.

После этого, говорит экс-адвокат,

родственники репрессированных смогут «требовать судебного разбирательства и добиваться признания виновности даже уже умерших».

Келеметов — и сам сын репрессированного, но заявление в СК подавал как гражданин, желающий установить ответственных за незаконные действия.

— Мне скидывали в качестве ответа, что нет доказательств, что я являюсь потерпевшим. Бред полный! Любой человек может обратиться в правоохранительные органы, ему необязательно быть потерпевшим. Даже информация в СМИ может явиться

основанием для проверки и последующего возбуждения уголовного дела или отказа в таковом, — напоминает он.

В подаче заявления именно как от родственника репрессированных Олег «необходимости» не видит.

Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС

— Всех моих предков Сталин — его режим, я имею в виду, — расстреливал и сажал в концлагеря еще до депортации. Они [правоохранительные органы] и хотят свести всё к тому, что непосредственно какой-то человек пострадал. Подозреваю, что хотят, чтобы в заявлении было, что мою бабушку депортировали с двумя малолетними сыновьями, что только у нее восемь родственников — двоюродных, троюродных — не доехали, — говорит Келеметов.

— Чтобы была история, как женщины в общем

скотском вагоне 15 суток не могли справиться с нуждой от стеснения, и они умерли от того, что у них лопнул мочевого пузырь. Я это могу доказать? Нет. Вот я этим и не занимаюсь.

Я спрашиваю, чего он надеется добиться при идеальном развитии событий.

— Если будет доказано, что депортацию проводили не какие-нибудь «англосаксы» или «что это плохо, конечно, но вот так вот случилось», а что сделали это конкретные люди [из советского руководства], то тогда именами этих людей очень сложно будет называть города, улицы и прочее, прочее, прочее, — отвечает Келеметов.

Он напоминает, что в Нальчике есть улица Ворошилова, который был членом ГКО и подписывал тот самый указ, есть улица Калинина.

— Трудно героизировать людей и называть их именами площади и города, если установлено, что они совершили особо тяжкое преступление. Плюс петиции или обращения людей по этому поводу будут теперь подкреплены документально, — говорит Келеметов. — Можно будет более аргументированно вступать в дискуссии, если какие-то площадки для дискуссии еще останутся.

Немного подумав, экс-адвокат с усмешкой добавляет: «Да и в силу собственной натуры я люблю иногда гусей поддразнить. А может быть, просто балуюсь, я-то шашлычник сейчас».

Второе обращение Келеметова к власти, [попавшее в СМИ](#),

касалось памятников Сталину. Вместе с семерыми лично пережившими депортацию людьми он попросил парламенты республик, титульные народы которых были депортированы, «обратиться к другим регионам и в Госдуму с предложением запретить установление памятников Иосифу Виссарионовичу».

В заявлении было указано, что за последние десять лет в России были установлены 48 памятников Сталину, поэтому заявители опасаются, что в стране «возрождается культ лиц, непосредственно повинных в смертях, унижениях и поражении в правах».

Пока изваяния Сталина в России устанавливают на частной территории, а чиновники делают вид, что ничего особенного не происходит. Единственное исключение — **памятник** в Вологде, где губернатор Георгий Филимонов, по словам Келеметова, «проявил неосторожность и сделал частную инициативу полугосударственной».

Кстати, в Вологде Келеметову почти удалось добиться успеха: «Я писал в прокуратуру просьбу, чтобы вынесли предостережение по установлению памятника Иосифу Виссарионовичу, и прокуратура в Вологде обратилась в суд, хоть и не по сути моего обращения.

Суд же решил, что памятник должен был быть демонтирован как незаконно установленный». Впрочем, судя по всему, несмотря на решение суда, памятник **сносить не будут**.

Региональные же парламенты просьбу Келеметова в основном проигнорировали.

— Очень позитивно откликнулся парламент Ингушетии, но при этом сказал, что целиком разделяя, поддерживая и прочее-прочее, сам обращаться никуда не будет, хотя это правильно, а вы пишите — флаг вам в руки. Все остальные прислали отписки, а парламент Чечни, кстати, — вообще ничего, — говорит Келеметов.

В беседе со мной он старается обходиться без эмоций. Только однажды — когда говорит про аргумент своих оппонентов: «Была война, все так делали, американцы же переселили японцев», — не выдерживает.

— Я получил постановление от 1948 года с подписью Сталина, что до него дошли сведения о некоторых спецпереселенцах, которые позволили себе выехать в Крым или на Северный Кавказ, чтобы памятник поправить или просто на родной земле побывать. В документе говорится, что переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев, балкарцев произведено навечно, без права возврата на прежние места, а тем, кто приезжает обратно, определить меру наказания в 20 лет каторжных работ, — говорит Келеметов и вдруг повышает голос. — И в 1948 году [то есть уже после войны] Иосиф Виссарионович нас не забывал! И именами этих людей мы должны называть города и улицы? Я не согласен!

Ингушская семья Газдиевых у тела умершей дочери. Казахстан, 1944 год. Фото: архив

Отношение к Сталину в целом и к инициативам Келеметова в частности в республиках Кавказа разное. В Чечне и Ингушетии сложно найти сочувствующего Сталину человека, в Северной Осетии, наоборот, его едва ли не боготворят. В КБР — ситуация сложнее хотя бы потому, что там живет много кабардинцев, которых депортации не коснулись, и русских.

— Трудно определить, потому что вот ты крутишься в каком-то своем социуме и думаешь, что вот оно так и есть по всей республике. Но балкарцы против Иосифа Виссарионовича. Хотя некоторые считают, например, что все сделал Берия, обманув товарища Сталина. В эту лабуду какая-то часть верит! — говорит Келеметев.

Балкарцы, по словам Келеметова, передают память о

депортации из поколения в поколение.

«Это же не только вопрос трагедии, это вопрос перенесенного унижения. Большинство [наших] мужчин сражалось [на стороне Красной армии], но потом, когда все остальные праздновали победу, наши деды жили в землянках как рабы, и до 30–40% населения умерли в этом унижении.

Это унижение не нивелировалось тем, что потом их простили и реабилитировали, — объясняет Келеметов — Ложки нашли, но осадок остался».

По его мнению, постепенно память о тех событиях все-таки слабеет, а силу набирают разные конспирологические теории. «Недавно одна молодая девушка мне заявила, что во время депортации злые конвоиры были евреи, а добрые конвоиры — русские. Это же абсурд», — приводит он пример.

Келеметов считает, что конспирологии больше подвержено образованное городское население. «Они верят во всякий бред, а у простых людей, у селян, которые своим трудом живут, которые думают о том, как забор построить или камни перетаскать, ум яснее, мусором не заваленный», — говорит бывший адвокат.

Он рассказывает, что в селе Верхняя Балкария каждый год устраивают мероприятие около [мемориала](#), посвященного [Черекской трагедии](#) («тогда в ущелье заехал отряд [капитана НКВД] Накина, расстрелял и сжег два селения напрочь вместе с детьми»).

— Сорок лет отец мясника в нашем кафе молчал, но перед смертью ему стало невыносимо, ведь он постоянно переживал ту трагедию, и он организовал поминки по невинно убитым и депортированным. До сих пор, уже лет 20, их ежегодно проводят, — говорит Келеметов. На официальные траурные мероприятия он не ходит, но не из равнодушия:

«Пошли они все в сад. Потому что во главе этих национальных движений система ставит бывших ментов или других абсолютно контролируемых людей, которые эту повестку сглаживают и нивелируют».

— **На нынешние власти население негатив не переносит? — спрашиваю я Келеметова. — Ведь они тоже сейчас приступили к репрессиям, пусть и не столь массовым. Да и возрождение культа Сталина идет, о чем вы сами говорите.**

— Это уже на Страшном суде будет ясно: переносится или не переносится, — шутит Келеметов и со свойственной ему самоиронией продолжает: — Я в прошлом адвокат, хоть и может и никудышный (хотя в республике его знали как одного из лучших в то время-прим. автора), и общаюсь с разными людьми. Я помню позицию многих, какие они были, их мировоззрение, их убеждения и прочее-прочее. Я вижу, что они сейчас, в силу того, что происходит, сами себя обманывают, убеждают себя, что это и есть их взгляды, чтобы чувствовать себя людьми.

На вокзале. 1957 год. Фрунзе. Жители села Юрт-Аух возвращаются на родину. Фото: архив

По словам Келеметова, в неформальных разговорах «все всё понимают, но артикулируют — и, наверное, правильно делают — то, что надо артикулировать».

Бывший адвокат несколько раз в разговоре упоминает главу Чечни Рамзана Кадырова, называя его исключительно по имени-отчеству. Несмотря на то что Келеметов явно интересуется темой памяти о депортации, о том, как Кадыров вводил в республике неофициальный запрет на проведение траурных мероприятий в годовщину депортаций, он якобы узнаёт от меня.

Обращаться к президенту Чечни тем не менее Келеметов пока не стал, хотя и признает, что его проект в этом случае «лучше бы двинулся». В отличие от глав остальных кавказских республик, Кадыров прямо упоминает в своем телеграм-канале роль Сталина в депортациях и называет его «проклятым».

— А сам Кадыров почему не идет по вашему пути?

— Да этим путем вообще никто не идет. Это я придумал. Но он иногда высказывается, такие хорошие фильмы снимаются и в Чечне, и везде по депортации. А мой правовой путь даже в публикациях в «Коммерсанте» — мне было это неприятно — правозащитники как-то обхэйтили, хотя он абсолютно безупречен с правовой точки зрения, — говорит Келеметов.

Тем не менее

именно кавказские республики после сильного давления на всех инакомыслящих остаются последним форпостом сопротивления «рекультивации Сталина». Я говорю Келеметову, что борьба кавказских народов за память о сталинских репрессиях явно не интересует большинство россиян.

— Надо их, конечно, 40 лет поводить по каким-нибудь труднодоступным местам, — шутит Келеметов и сам вспоминает, что в конкурсе «Имя России» чуть не выиграл Сталин еще «в относительно свободные времена». — Вот что с этим сделаешь? Делай, что должно, или то, что хочется, и будет что будет.

— Какой смысл тогда в вашей деятельности, если люди в России всё это не воспринимают? — спрашиваю я.

— Смысл — нанести какой-то вред памяти Сталина и его режиму. Людей же преследовали не только по национальному признаку, но и по сословному, по политическому, за веру, да? Когда ты что-то обоснованное в этой части говоришь, то

наносишь вред своим оппонентам. Смысл — в борьбе, — отвечает Келеметов.

— Ну а вам не грустно практически в одиночку всё это делать?

— Что грустить? Я не живу же только этим. Иногда посижу с друзьями, выпью. Да и что мне их болезненная и тупая ничтожная реакция? Когда ты имеешь внутреннее ощущение собственной правоты, то тебя не могут переехать.

В современной России любой публичный отход от генеральной линии партии, кажется, довольно быстро приводит к проблемам. Келеметова пока не трогают, чему у бывшего адвоката есть свое объяснение.

— Я не вхожу в прямую конфронтацию и ссылаюсь, в том числе, на закон о реабилитированных народах и на [указ](#) Владимира Владимировича о реабилитации крымско-татарского народа 2014 года. В канве этой позиции я и действую. И то, что под этим есть правовая база, дает надежду на безопасность — говорит он.

Я рассказываю Келеметову про [недавнее закрытие](#) Музея ГУЛАГа. Признаюсь, что на меня это произвело большое впечатление, а экс-адвокат, оказывается, и про это не слышал, но удивления не выказывает.

— Если они и переименовали этот музей, то одновременно же не сказали, что всё, что делалось в те времена, — правильно? По-прежнему осуждается и 37-й год, и депортация репрессированных народов. Осуждается же? Осуждается, — рассуждает Келеметов. — Да, смещают акценты, но напрямую их не дезавуируют.

* Минюст РФ внес в реестр «иноагентов».